

Ромюэль снял шарф с шеи и в упор уставился в спокойные, как озерная гладь, глаза Сы Сяонаня:

— Перед отъездом в Китай я специально взял его с собой. Я знал, что надвигается небывалая катастрофа и человечество, скорее всего, вымрет на Земле. Теперь, когда мы встретились в эпоху апокалипсиса, не кажется ли тебе, что у нас есть шанс повернуть время вспять и переиграть всё то, что не успело начаться, но уже подошло к концу?

— Если ты согласен, скажи, где ультимативное антитело, — негромко добавил Ромюэль, голос его звучал почти как шепот. — После того как мы разработаем вакцину, люди построят последнюю крепость безопасности. Мы с тобой станем первыми, кто в нее войдет... Обещаю, вся боль прошлого навсегда останется лишь воспоминанием. Я обеспечу тебе жизнь, о которой ты раньше и мечтать не мог. Жизнь, которой ты достоин.

— Правда, — многозначительно добавил он, — просто поверь мне.

После долгой тишины Сы Сяонань мягко произнес:

— Я никогда тебе не верил.

— Знаю, — Ромюэль помолчал и парировал:

— Но ведь всё меняется, верно? Как шоколад — то, что, казалось бы, останется неизменным до самого конца, в итоге тоже меняется.

Сы Сяонань поднял правую руку, не скованную наручниками, и двумя пальцами коснулся истрепавшегося от многолетней носки края шарфа.

Ромюэль смотрел на него, и в его взгляде читалась поддержка, а еще — скрытая, неутолимая жажда, которую он сам, похоже, не осознавал.

— ... — Сы Сяонань вдруг слабо улыбнулся.

Эта улыбка была слабой, но в ней промелькнуло что-то странное и безошибочно узнаваемое. В следующее мгновение он разжал пальцы и покачал головой.

— Что такое? — не удержался от вопроса Ромюэль.

— Не помню, — улыбаясь, ответил Сы Сяонань. — Но я не из тех, кто стал бы заниматься подобным, особенно ради тебя. Так что либо ты врешь...

— Я не вру!

— Правда? — лениво отозвался Сы Сяонань. — Тогда, наверное, это я хотел придушить тебя шарфом, когда ты остался один, а ты просто всё не так понял.

Ромюэль резко вскочил, лицо его пошло красными пятнами. Однако прежде чем он успел что-либо сказать, последняя фраза Сы Сяонаня послужила фитилем, взорвавшим его гнев:

— Ты слишком высокого о себе мнения, «братец», — с жалостью заметил Сы Сяонань. — Прямо как твой отец по отношению к моей матери... Она до самой смерти даже не удостоила его взглядом.

Из комнаты донесся пронзительный, срывающийся на визг рык:

— Цзянь!

Женщина-Альфа стремительно вошла в комнату. Она увидела, как ее начальник стоит у кровати. Он обернулся, и его зрачки окончательно затянуло пугающей пеленой темно-серого цвета.

— Сыворотку правды, — прошипел он, и от его ярости в жилах стыла кровь. — ...Принесите сюда всю сыворотку правды!

.

Аббас, на ходу пристрелив из пистолета нескольких полуразложившихся зомби в переулке, вошел во двор с картонной коробкой в руках. Его напарница стояла под деревом, скрестив руки на груди. Из плотно закрытой комнаты доносились тяжелые удары по полу и грохот падающих вещей.

— Вернулся? — Цзянь выплюнула окурок. — Что раздобыл?

Аббас молча поставил коробку и принялся по очереди выкладывать содержимое: батарейки, ножи, инструменты, полфляги машинного масла, остатки водки.

Цзянь подхватила бутылку, сделала глоток и цыкнула:

— Гиблое место. На юге, вдоль побережья, припасов куда больше. Живых видел?

Аббас покачал головой.

Вдруг Цзянь бросила взгляд ему за спину и резко скомандовала:

— Кто там?

Аббас молниеносно обернулся. Оба уставились на стену двора, утопающую в кронах деревьев.

Несколько секунд стояла тишина, затем кусты шевельнулись, и черная тень с пронзительным воплем пронеслась над стеной, как порыв ветра — это была тощая серая кошка.

— Мелочь пузатая, — фыркнула Цзянь, непонятно — то ли про кошку, то ли про того, кто в доме.

Аббас буркнул:

— Когда ты только попала в «Белый орел», когда он гонял тебя на тренировках, ты говорила совсем другое.

Цзянь рассмеялась:

— Разве не приятно видеть, как такие люди оказываются в унижительном положении?

— ...

— Особенно такие расчетливые и высокомерные инструкторы, которые никогда ни на кого не смотрели как на равных... Мучить кого-то вроде него — это действительно особое удовольствие.

Аббас хотел было что-то добавить, но дверь комнаты распахнулась.

Ромюэль вышел, охваченный яростью, даже не взглянув на своих подчиненных, которые тут же вытянулись по стойке смирно:

— На север.

Цзянь не сразу поняла:

— Что?

— Самолет разбился на севере, — холодно бросил Ромюэль. — Он наверняка выбросил это там. Аббас, закинь его в машину, выдвигаемся.

Аббас, словно отлитый из стали, кивнул, вошел в дом и через мгновение вышел, неся на плече безвольное, не подающее признаков жизни тело.

За кустами, в углу двора, Чжоу Жун невольно сжал кулаки.

Хотя по пути он смутно догадывался о подобном исходе, стоило увидеть это своими глазами, как острая стальная игла пронзила легкие, заставив все внутренности сжаться в кровавом спазме.

Это был Сы Сяонань.

Сы Сяонань никогда не подпускал к себе незнакомых Альф, тем более не позволил бы так легко себя схватить. Чжоу Жун легко представил ту сцену: голодный и измученный жаждой Сы Сяонань услышал звук мотора и, решив, что это отряд 118 вернулся за ним, в радостном порыве выбежал из укрытия и начал кричать. Но когда он понял, что пришельцы не сулят ничего хорошего, было уже поздно — перед ним стояли трое тренированных Альф, вооруженных до зубов...

Чжоу Жун с силой сдержал горячее дыхание и вцепился в верхушку стены.

Его ногти вонзились в кирпич, оставляя четыре глубокие белые борозды на старой кладке; из-под ногтей просочилась кровь.

Что делать?

Чжоу Жун бесшумно спрыгнул вниз, быстро переместился к углу ворот и, скрывшись за стеной, начал изучать троицу Альф через прицел.

Двое мужчин, одна женщина. Тот, кто отдавал приказы, почему-то показался ему смутно знакомым, но времени раздумывать не было.

При текущих условиях стрельбы Чжоу Жун был уверен, что его мастерства хватит, чтобы снять этого типа одним выстрелом или хотя бы вывести из строя. Но у противника оставалось еще двое бойцов. А если они используют Сы Сяонаня как живой щит?

У них есть машина, стоит им сесть за руль — и догнать их будет почти невозможно. И что они сделают с Сы Сяонанем тогда?!

Ствол слегка сместился, в прицеле замаячил здоровяк, удерживающий Сы Сяонаня. Чжоу Жун прищурился.

Если убрать его, Сы Сяонань получит шанс вырваться и бежать. Но под этим углом было видно,

что Сы Сяонань не шевелится — возможно, он уже без сознания...

«Спокойно, — одернул он себя. — Спокойно».

Он работал там, где проверки на благонадежность были самыми строгими, а уровень охраны — самым высоким в стране. Он лично обеспечивал безопасность высшего руководства и сопровождал десятки глав государств.

Через что он только ни проходил, сколько подвигов ни совершил. В профессиональных вопросах в официальном послужном списке Чжоу Жуна уровень ошибок всегда был равен нулю.

Но еще никогда прежде он не чувствовал такой неконтролируемой, разъедающей тревоги и ярости, которая по позвоночнику разливалась по всем нервным окончаниям.

Чжоу Жун отвел прицел влево, навел на ногу Ромюэля, палец лег на спусковой крючок.

В этот момент женщина-Альфа истошно закричала:

— Что происходит?!

Чжоу Жун дернулся.

Сы Сяонань в беспамятстве внезапно забился в конвульсиях, издал животный рык и рухнул на пол!

Он не ел почти сорок восемь часов, все его силы были на исходе, но этот рывок был такой силы, что даже Аббас не удержал его. Застигнутый врасплох, он выронил пленника и взревел:

— Быстрее, помогите!

Ромюэль и Цзянь бросились на помощь. Аббас схватил Сы Сяонаня за руку и вывернул ее — раздался отчетливый хруст вывиха.

Однако Сы Сяонань словно потерял способность чувствовать боль: даже такая адская мука не замедлила его движений. В мгновение ока, прямо с вывернутой рукой, он навалился на спину Аббасу и вложил всю ярость в удар локтем в шейный отдел позвоночника противника!

Аббас закричал от боли и отшвырнул Сы Сяонаня прочь.

В этот самый момент Чжоу Жун нажал на спуск трижды.

Первая пуля попала Аббасу в голень, здоровяк рухнул на колени.

Вторая пуля угодила женщине-Альфе в плечо, ее оружие отлетело в сторону, так и не выстрелив. Третья пуля летела в цель, но Ромюэль молниеносно развернулся и выпустил очередь прямо в сторону укрытия Чжоу Жуна!

Чжоу Жун стремглав ушел в сторону, кирпичная стена осыпалась под градом пуль.

— Там! — рявкнул Ромюэль, подавляя Чжоу Жуна огнем, и широкими шагами двинулся к стене!

<http://bllate.org/book/18107/1738944>